

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

Студенттер мен жас ғалымдардың
«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2016» атты
XI Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XI Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2016»

PROCEEDINGS
of the XI International Scientific Conference
for students and young scholars
«SCIENCE AND EDUCATION - 2016»

2016 жыл 14 сәуір
Астана

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2016»
атты XI Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XI Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2016»**

**PROCEEDINGS
of the XI International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2016»**

2016 жыл 14 сәуір

Астана

ӘӨЖ 001:37(063)

КБЖ 72:74

Ғ 96

Ғ96 «Ғылым және білім – 2016» атты студенттер мен жас ғалымдардың XI Халық. ғыл. конф. = XI Межд. науч. конф. студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2016» = The XI International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2016» . – Астана: [http://www.enu.kz/ru/nauka/ nauka-i-obrazovanie/](http://www.enu.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/), 2016. – б. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-764-4

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

ӘӨЖ 001:37(063)

КБЖ 72:74

ISBN 978-9965-31-764-4

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2016

также программа по управлению водными ресурсами на 2014-2040 годы должны стать важными шагами к предотвращению глубокого экологического кризиса и стабильному росту Казахстана.

Список использованных источников

1. Стратегия «Казахстан - 2050». Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана от 14 декабря 2012 г. http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstana-14-dekabrya-2012-g_1357813742 (дата обращения: 07.04.2016)
2. Онищенко М.В. Международный опыт развития «зеленой экономики» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2013. - № 3 (36). - С. 409-413
3. На пути к «зеленой» мировой экономике (из ежегодного доклада ЮНЕП за 2009 г.) [Электрон.ресурс]. – 2009. – URL:http://www.unep.org/pdf/Annual_Report_2009_Russian_Final.pdf (дата обращения: 07.04.2016)
4. Концепция по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» // Указ Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 г. № 577. – 52 с.
5. Зеленая экономика - экономика будущего! http://egov.kz/wps/portal/Content?contentPath=/egovcontent/bus_nat_eco/ecologiya/article/green_ekonomika&lang=ru (дата обращения: 10.04.2016)
6. Чередниченко А.В. О некоторых экономических и законодательных основах успешного развития «зеленой» экономики. // Вестник КазНУ. - 2015. - 213 (38). – 125-130
7. Артамонова Е. «Зеленая» экономика как важный инструмент обеспечения устойчивого развития Казахстана. <http://group-global.org/ru/publication/21049-zelenaya-ekonomika-kak-vazhnyy-instrument-obespecheniya-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 10.04.2016)

УДК – 32/378 (075.8)

МЯГКАЯ СИЛА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Сергазин Ерболат Фаттахович

Sergazin1958@mail.ru

Докторант 3 курса кафедры политологии
факультета журналистики и политологии
ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан
Научный руководитель – Е.Нечаева

«Информация - это новая валюта в международных отношениях»

Джозеф С. Най

Цель статьи анализ феномена Soft Power (мягкая сила), интерес к которому вспыхнул с особой силой в последнее пятилетие. Как теперь уже достаточно широко известно, термин Soft Power был введен в научный, а затем и информационный оборот специалистом по международным отношениям Джозефом Наем в начале 1990-х годов. В условиях формирования военно-стратегического паритета в середине XX века и резкого снижения вероятности открытого вооруженного конфликта между крупными геополитическими игроками особую актуальность приобретают методы «несилового» воздействия в сфере международных отношений и, как следствие, обостряется необходимость научного осмысления изменения управления сложными социально-политическими системами и процессами с применением набора технологий, именуемых «мягкой силой».

Социально-политическая реальность международных отношений представляет собой многообразие форм обмена и деятельностью и её результатами. Изучение подобной сложной реальности становится неотделимо от изучения детерминирующей этой реальности социокультурной специфики и мировоззренческих интерпретаций явлений и процессов современности. Требуется перейти в иную парадигму отношений, фундированную философским видением новой реальности.

Субъект-объектная модель управления, сформированная в классической научной рациональности, не учитывала связность ценностно-мировоззренческих установок субъектов и особенностей среды их жизнеобеспечения. Позднее неклассическая и постнеклассическая научные рациональности интегрировали коммуникативные и ценностно-целевые структуры в управленческий процесс и положили модель управления «субъект-субъект» и «субъект-среда». Постнеклассическая парадигма предполагает отказ от «жестких» паттернов воздействия, переводит коммуникативное управление развитием объекта в преимущественно латентные, точечные, «средовые» формы [1].

Феномен «мягкой силы», находящийся в центре дискурса о невоенной мощи государства, - это вид латентного управления сверхсложными системами. Ресурс «мягкой силы» формируется, в первую очередь, в сфере идеального, в системе ценностей, идей и установок общества. Представляется актуальным изучение специфики этого ресурса, в частности места и значения ценностно-мировоззренческого компонента в формировании внешнеполитической стратегии государства. Современная виртуализация политического пространства приводит к вытеснению традиционных форм международных связей в символические сферы их реализации, где и в чем, собственно, и проявляется феномен «мягкой силы» как властной претензии на захват смысловой сферы отношений. Достижение политических целей в таком случае обеспечивается путем манипуляции общими смыслами – ключевым ресурсом конструирования социальной реальности и достижения «желаемого будущего».

Виртуализацию и социально-коммуникативную обусловленность международно-политической среды подчеркивают теоретики «новой (критической) геополитики». Они акцентируют внимание международного научного сообщества на проблемах социокультурного и мировоззренческого характера, предлагая заниматься изучением «карт смыслов и значений не в меньшей степени, чем картами государств» [2]. Дж. Най определяет «мягкую силу» как «внешнеполитический ресурс особого рода, способность привлекать других, чтобы они желали того, что хочешь ты» [3]. Деятельность субъекта управления в работах Най описывается исключительно как конструктивная, направленная на формирование стратегических контуров и целей (аттракторов), которые «привлекают» других акторов международно-политической системы. В то же время, деструкции подвергается, в первую очередь, ценностно-мировоззренческое поле социума. Как поясняет Дж. Най, «мягкая сила» - это не просто влияние... и нечто большее, чем убеждение или способность направлять людей аргументами. Мягкая сила образуется в значительной степени из наших ценностей» [4].

В этой связи, внешнеполитическую стратегию государства предлагается анализировать, акцентируя внимание на том культурно-мировоззренческом влиянии, которое она оказывает на иных акторов мировой политики. Стратегические смыслы-ценности (суверенитет, справедливость, свобода, коллективизм, вера и т.д.), которые конструируют политическую стратегию, представляют детерминирующее содержание и стратегическую направленность развития субъекта стратегирования. Стратегический смысл может представлять модель социально-политического развития, включающую основополагающие принципы, ценности и цели долгосрочного развития, к примеру, модель многополярного мира, основанного на верховенстве международного права. По нашему мнению, для противодействия «мягкому» влиянию геополитических соперников и осуществлению собственного стратегического «мягкого» воздействия необходимо освоение методов ситуативного стратегирования во внешней политике. Ситуативный паттерн

управления предполагает точечное «средовое» воздействие в критических точках (точках бифуркации) и формирование будущих желаемых ситуаций (аттракторов-состояний), к которым будет произвольно восходить объект управления.

Интеллектуальность и динамичность ситуативных схем принципиально отличает их от «тоталитарных» схем жесткого воздействия и контроля над объектом. «Ситуативность» в данном подходе представляет собой антипод постситуационного реагирования и предполагает воздействие на среду для возникновения запланированных ситуаций или вытеснение одних ситуаций другими. Необходимость использования ментального и культурно-ценностного подходов к стратегированию обусловлена тем, что мирополитическая среда «полисубъектна» и включает в себя наряду с субъектами различного рода также ценности и историческую память, которые «запакованы» в коллективном бессознательном [5].

К настоящему времени написано множество работ, посвященных анализу понятия «мягкой силы». Тем не менее, в них, кроме того, что привлекательность выступает как главный компонент «мягкой силы», часто упускается из виду ещё ряд моментов:

- во-первых, обычно изучается «мягкая сила» конкретного государства без учёта того, что на мировой арене действуют другие государства и негосударственные акторы, также обладающие «мягкой силой» [6]. В результате происходит своеобразная конкуренция стратегий использования «мягкой силы» участников. От того, как будет выстроена стратегия реализации «мягкой силы» и будет ли она выстроена вообще, зависит успешность воздействия. Правда, отчасти эти вопросы рассматриваются в рамках информационного, идеологического и т.п. противоборства. Однако там акценты смещаются в сторону рассмотрения вопросов «действие-противодействие», взаимной дискредитации сторон и т.п., а не на формирование привлекательности образа;

- во-вторых, мало внимания обращается на то, что тот, в отношении кого используется «мягкая сила», не является простым объектом её приложения. Он активен, а значит, по-разному может интерпретировать направленные на него действия, сам применять инструмент «мягкой силы» и т.п. Поэтому при анализе «мягкой силы» важно представить по возможности комплексную картину использования «мягкой силы» различными участниками;

- в-третьих, общество всегда неоднородно. Значит, не может быть и универсальной привлекательности. То, что является привлекательным для одних, вовсе не является привлекательным для других;

- в-четвёртых, наконец, следует различать долгосрочные и краткосрочные цели, которые реализуются с помощью «мягкой силы». Например, высшее образование ориентировано на достижение долгосрочных целей, в то время как деятельность СМИ - краткосрочных [7].

Одним из наиболее интересных регионов для рассмотрения этих теоретических вопросов является Центральная Азия. Данный регион, независимо от того, как его точно определять, сформирован в значительной степени государствами, которые ранее входили в состав СССР (в данном случае ЦА будет рассматриваться как регион, ограниченный именно этими государствами). С точки зрения развития интеграционных процессов регион ЦА входит в СНГ, а также представлен Казахстаном в Таможенном союзе. В 2013 году меморандум об углублении взаимодействия с Евразийской экономической комиссией (наднациональным органом ТС) подписала Киргизия. В результате, Центральная Азия продолжает оставаться для России стратегически важным регионом. Одновременно ЦА оказывается значимым регионом и для других государств, а также для всего мира в целом. Центральная Азия богата ресурсами, что вызывает интерес со стороны многих государств. Однако в регионе существуют проблемы с политической стабильностью в государствах региона, межэтническими конфликтами, наркотрафиком, радикальными течениями в исламе и др. При этом необходимо иметь в виду, что центральноазиатские страны граничат с таким проблемным государством как Афганистан, который может оказывать дестабилизирующее влияние на своих соседей.

В результате здесь сталкиваются стратегии различных стран, принадлежащих к разным цивилизациям и обладающих собственными примерами привлекательности. В то же время ЦА - регион довольно сложный для оказания влияния. Он характеризуется наличием древних культур и традиций, незнание которых может повлечь результат, прямо противоположный ожидаемому. Кроме того, отношения в регионе во многом подвержены влиянию клановых и межродовых отношений, что осложняет традиционные механизмы реализации «мягкой силы».

Для России важно, какое значение имеет ЦА для неё самой и для мира в целом. Причём не исключено, что ослабление связей России с ЦА может привести к тому, что её место здесь займут экстремистские силы. В этом случае у России не только сузятся возможности оказывать влияние на регион, но и сам регион окажется дестабилизированным.

Инструмент «мягкой силы» далеко не сразу вошел в арсенал внешней политики России. После критики и долгих сомнений Россия всё же восприняла идею Дж. Ная о «мягкой силе», включив данное понятие в текст Концепции внешней политики России 2013 г. [8]. Однако часто данное понятие воспринимается скорее как любое несиловое воздействие. Идея привлекательности уходит на второй план. У России имеется некое преимущество перед другими странами в применении «мягкой силы» в ЦА.

Во-первых, регион Центральной Азии включён в интеграционные процессы на постсоветском пространстве, следовательно, взаимодействие оказывается более тесным, чем с иными государствами, находящимися вне региона. Во-вторых, в ЦА до сих пор распространён русский язык, хотя сфера его использования и сужается. В-третьих, имеются связи с Россией, обусловленные родственными и дружескими связями, а также профессиональными связями.

Одновременно, правда, есть и ограничения, поскольку советское прошлое не всегда и не всеми воспринимается однозначно. Кроме того, сразу после распада СССР Россия сузила свой интерес к ЦА, что незамедлительно повлекло за собой сокращение её влияния в регионе. И только с начала XXI века этот интерес стал интенсивно восстанавливаться. В целом же представляется, что потенциал преимуществ у России в регионе все же больше, чем у других внерегиональных акторов.

Центральная Азия привлекает внимание российских экспертов. Об этом свидетельствуют данные Фонда им. А.М. Горчакова, а также Российского совета по международным делам (РСМД). Анализ публикационной активности Фонда им. А.М. Горчакова показывает, что он довольно внимательно относится к региону ЦА. В начале января 2014 г. на соответствующий запрос было получено 488 статей, подготовленных Фондом или для Фонда [9], в то время как по Европе – 676, США – 760, а АТР (Азиатско-Тихоокеанский регион) – 23. Аналитика по ЦА хорошо представлена и в РСМД. На начало 2014 г. количество статей по Центральной Азии примерно такое же, как и по Восточной Европе, – немногим более сотни [10]. При этом в РСМД подготовлен комплексный доклад [11], а также рабочая тетрадь [12] по региону.

Что касается практической деятельности в Центральной Азии, то на неё в России в большей степени ориентированы такие структуры, как Фонд «Русский мир» и Россотрудничество, делающие ставку на развитие русского языка и работу с соотечественниками.

Высшее образование - область, открывающая большие возможности для реализации «мягкой силы» государства вообще [13] и России в частности [14; 15]. Подготовка иностранных учащихся предполагает участие в формировании политической, экономической, технической и других видов элит зарубежных стран. В 1990 г. в СССР обучалось 126,5 тыс. иностранных студентов, что составляло 10,8% всех иностранных студентов в мире [16]. После распада СССР число иностранных студентов в России сократилось, что связано, в том числе и с уменьшением территории, а вместе с этим и вузов.

Углубление сотрудничества в области образования не только хороший потенциал для развития сотрудничества собственно в области образования и науки между университетами,

но и для улучшения отношений между государствами в целом, а также для развития интеграционных процессов. Представляется, что возможности «мягкой силы» в интеграционных процессах недооцениваются.

Россия не единственная страна, которая осознаёт важность региона ЦА. США, Евросоюз, Китай, Иран, Турция, Индия, Япония и другие государства стремятся оказывать влияние на регион с помощью «мягкой силы». В ЦА активно действуют различные американские и европейские фонды и неправительственные организации, через которые реализуются гранты и осуществляется «мягкая сила», в том числе USAID, фонд Сороса, IREX, фонд К. Аденауэра, фонд Ф. Эберта, Институт Гёте, Немецкая служба академических обменов (DAAD) и др. [17]. Так, USAID осуществляет программы по следующим направлениям: здравоохранение (прежде всего, программы, направленные на борьбу со СПИДом и туберкулёзом); развитие демократии, права человека и местное самоуправление; окружающая среда и изменение климата; экономический рост и торговля. На территории ЦА, за исключением Таджикистана, действовал американский Корпус мира, в задачи которого входило продвижение лучшего понимания США в других странах, содействие в понимании других народов американцами, помощь в квалифицированных кадрах. В настоящее время Корпус мира работает только в Кыргызстане. Для оказания «мягкого воздействия» США активно использует свои ресурсные центры (центры при посольствах, небольшие центры-библиотеки и др.) для осуществления «мягкой силы» в регионе. Количество американских ресурсных центров в ЦА сравнимо с российскими: 52 и 55 соответственно [18].

Однако только в Казахстане российские центры значительно преобладают над американскими, в других же странах Центральной Азии картина прямо противоположная. При этом США изначально большое внимание уделяли использованию интернет-технологий во внешней политике, создавая сайты своих официальных представительств. С появлением же социальных сетей посольства и ресурсные центры США в ЦА стали активно использовать Facebook, Twitter, YouTube, MySpace. Россия в этом плане в значительной степени отставала [18].

Примечательно, что Европейский союз, декларируя важность образовательных программ, прав человека и т.п., большие суммы тратит на экономически выгодные для себя проекты в Центральной Азии.

Как и ЕС, Китай использует «мягкую силу» для продвижения своих экономических интересов в ЦА. Однако КНР в значительной степени делает ставку на официальные каналы, а не на структуры гражданского общества. Так, в 2005 г. КНР создала китайско-казахстанский подкомитет по культурному и гуманитарному сотрудничеству, который ежегодно проводит регулярные встречи [19]. Китай стремится обеспечить свои экономические интересы в регионе во многом путём снятия культурно-языковых барьеров, обращая внимание на развитие в регионе китайского языка, своей культуры и образа жизни [20].

Все государства уделяют внимание образованию в регионе Центральной Азии. США реализует «мягкую силу» через образовательные, культурные, просветительские программы. Среди них:

- центры по обучению английскому языку;
- программы студенческих обменов;
- программы по совершенствованию преподавания в средних школах;
- программы по повышению квалификации преподавателей вузов;
- программы поддержки связей с выпускниками;
- программа консультаций по вопросам образования в США.

Подобным же образом действуют Германия и Китай, открывая в ЦА соответственно институты Гёте и Конфуция, проводя обмены студентами и школьниками. Кроме отдельных программ в области образования США создали в Алма-Ате Казахско-американский университет (КАУ), синтезировав американскую и казахстанскую систему высшего

образования. КАУ является членом ассоциации американских колледжей и университетов. В целом, по оценкам ряда специалистов, Россия, несмотря на имеющиеся давние традиции в предоставлении образовательных услуг выходцам из Центральной Азии, сегодня всё же уступает в этой области США и Европе [21].

Государства ЦА сами используют потенциал «мягкой силы». Особенно активно в этом направлении действует Казахстан, который является одной из наиболее динамично развивающихся стран на постсоветском пространстве. Так, в соответствии с Законом Республики Казахстан «О республиканском бюджете на 2013-2015 гг.» предусмотрено ежегодное выделение бюджетных средств на формирование туристического имиджа Казахстана. Причём сумма этих средств возрастает от года к году.

В области высшего образования интересным представляется международная стипендия Президента РК «Болашак», позволяющая казахстанским гражданам получить высшее образование за рубежом [22]. Обязательным условием получения данной стипендии является успешное завершение учебы и дальнейшая работа в Казахстане. Также в Астане по инициативе президента был открыт Назарбаев университет, обучение в котором ведётся на английском языке преподавателями из ведущих университетов мира. Наконец, в соответствии со ст.5, п.2 «Закона РК об образовании» «все учебные заведения, независимо от форм собственности, должны обеспечить знание и развитие казахского языка как государственного, а также изучение русского языка и одного из иностранных языков в соответствии с государственным общеобязательным стандартом для каждого уровня образования» [23]. Такого рода инициативы Казахстана, также как и его экономический рост, могут быть привлекательными не только для стран региона, но и для многих других государств, то есть они обладают «мягкой силой».

«Мягкая сила» широко применяется как внешними по отношению к ЦА акторами, так и внутренними. При этом участники используют разные стратегии и оказывают влияние на разные группы населения. Так, Россия ставит задачу работы с русскоязычной аудиторией; США в значительной мере уделяют внимание интернет-технологиям, имея в виду, прежде всего молодёжную аудиторию. США и ЕС ориентируются на разнообразие программ, включая экологические и охрану здоровья; Китай стремится оказывать влияние через официальные каналы, делая акцент на языке и культуре. ЕС и Китай используют «мягкую силу» во многом для реализации экономических интересов. В свою очередь Казахстан предпринимает меры, которые также выглядят привлекательными для многих. Все акторы используют свои официальные структуры, а также неправительственные организации. Стратегии реализации «мягкой силы» разными акторами хотя и конкурируют между собой, но, будучи направленными на разные аспекты и на разные группы населения, в итоге не образуют игру с нулевой суммой. Необходимо отметить, что практика реализации «мягкой силы» далеко не всегда соответствует тому пониманию, который вкладывает в данное понятие Дж. Най (это хорошо видно на примере ЦА). Нередко под «мягкой силой» понимается любое воздействие не силовыми методами. Представляется, что акцент именно на привлекательности открывает большие возможности для оказания влияния [24].

Однако для этого необходимо выстроить стратегию и определить:

- во-первых, для чего реализуется «мягкая сила» (какие краткосрочные и долгосрочные цели ставятся);
- во-вторых, выбрать группы населения, на которые будет ориентирована в первую очередь «мягкая сила»;
- в-третьих, оценить, что для этих групп, может быть привлекательно и какими, способами эту привлекательность можно будет продемонстрировать.

При этом, разумеется, важно учитывать, что и как делают другие акторы в регионе с помощью «мягкой силы».

Список использованных источников

1. Медведев Д.А. Реализация ресурса «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии России // Междисциплинарный анализ: колл. монография. Москва. 2015. С. 48.

2. O'Tuathail G., Dalby, S. Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics. London: Routledge, 1998. P.4.
3. Nye J. Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002.
4. Nye J. Jr. Limits of American Power // Political Science Quarterly. 2002/2003. Vol. 117. №4.
5. Медведев Д.А. Реализация ресурса «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии России // Междисциплинарный анализ: колл. монография. Москва. 2015. С. 52.
6. Nye J. Soft Power Matters in Asia. The Japan Times, December 5, 2005. Mode of access: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/1486/soft_power_matters_in_asia.html
7. Панова Е.П. Высшее образование как потенциал «мягкой власти» государства / Вестник МГИМО-Университета. 2011. №2 (15). С. 157-161.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
9. Фонд публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. Публикации по ЦА. Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/search/?searchid>
10. Российский совет по международным делам. Публикации по ЦА. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/search_results/index.php
11. Наумкин В.В. и др. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. 2013. № 10. М.: РСМД, Институт Дальнего Востока. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Central_Asia.pdf
12. Сергеев В.М. и др. Содействие развитию государств Центральной Азии. Рабочая тетрадь. М.: РСМД, 2013. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/WP_Central_Asia_10_rus.pdf
13. Nye J. Soft Power and Higher Education. 2004. EDUCAUSE. Mode of access: <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf>
14. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России / Вестник МГИМО (У). 2009. № 6. С. 200-205.
15. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России / Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85-93.
16. Экспорт образовательных услуг в системе высшего образования Российской Федерации. Министерство образования и науки Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.russia.edu.ru/information/analit/1300/>
17. Власов А. Россия и Центральная Азия: упущенные возможности и новые перспективы / Российский совет по международным делам. М.: РСМД, 2013. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1392#top
18. Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии / Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. Вып. 3. С. 73-86.
19. Интервью министра культуры КНР Цай У корреспонденту информационного агентства «Казинформ» 4 ноября 2013 г. Режим доступа: <http://www.inform.kz/rus/article/2602375>
20. Серебрякова Н.В. Центральноазиатская политика КНР как региональная проекция «теории гармоничного мира» / Мировые державы в Центральной Азии // Редактор-составитель Л.Е. Васильев. М: Институт Дальнего Востока. 2011. С.74-75.

21. Наумкин В.В. и др. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. 2013. № 10. М.: РСМД, Институт Дальнего Востока. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Central_Asia.pdf

22. Центр международных программ Республики Казахстан. Международная стипендия Президента Республики Казахстан. Режим доступа: <http://www.bolashak.gov.kz/index.php/ru/o-kompanii/okompanii/249-istoriya-kompanii>

23. Закон Республики Казахстан об образовании от 15.05.2013. Режим доступа: <http://dep.edualmaty.kz/ru/normativnye-dokumenty/19-zakon-respubliki-kazakhstan-ob-obrazovanii>

24. Лебедева М.М. – «Мягкая сила в отношении Центральной Азии: участники и их действия. <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/mezhdunarodnye-otnosheniya/myagkaya-sila-v-otnoshenii-centralnoy-azii-uchastniki-i-ih>

УДК 32.001:070

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЛАСТЬЮ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ КАЗАХСТАНА НАЧАЛА XX ВЕКА

Табылды Айганым

aigonu@mail.ru

Студентка 3 курса факультета журналистики и политологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Научный руководитель – Ашенова С.В.

Во второй половине 19 века заметное оживление российского освободительного движения привело к увеличению притока ссыльных революционеров, принявшего массовый характер, в Западную Сибирь и Казахстан. В определенной степени это явилось историческим фактором, обусловившим развитие общественно-политической жизни в степном крае. Народовольцы, являвшиеся представителями практически всех российских очагов, охваченных пламенем освободительной борьбы, попав в национальные районы, не прекращали своей борьбы, направленной против царизма. Возможно, власти предполагали, что камнем преткновения станет язык и совершенно другие обычаи и условия проживания.

Однако казахский народ, имея многовековую культуру, имеющий яркое представление о том, что значит освободительное движение, вырастивший на своих просторах известных просветителей, мудрецов и народных героев, не мог не откликнуться на их деятельность. Сосланные народовольцы, невзирая на притеснение местных властей и полицейский надзор, организовывали в городах Казахстана подпольные кружки, которые распространяли среди местных жителей свои программы и идеи. По их инициативе открывались публичные библиотеки в гг. Верном, Семипалатинске, Омске, создавались научные общества в главных центрах ссылки – в Акмолинской и Семипалатинской областях, развивалось просветительство, оказывалось влияние на становление периодической печати в крае. Создаваемые фонды книг и периодических изданий обогащали культурную и общественную жизнь.

Многие материалы «Ведомств», издаваемых в областных центрах, готовились политическими ссыльными, что имело большое значение для развития местной печати. Конечно, под надзором властей невозможно было проводить политику собственных идей, из-за которых и происходили ссылки, но опубликованные труды по истории, культуре, экономике Казахстана оказывали свое прогрессивное значение для развития края и не потеряли своего научного значения и по сей день. Вполне естественно, что такая полезная деятельность, вызывала уважение и доверие со стороны местных представителей, росла их дружба и взаимосвязь с политическими ссыльными, которые активно изучали язык и обычаи